

Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России*

А. В. Логинов, Д. В. Руденкин

Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: Логинов А. В., Руденкин Д. В. Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. т. 36. Вып. 2. С. 341–355. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.211>

В статье представлен социально-философский анализ результатов сравнения идеологической риторики в программах политических партий РФ, прошедших в Государственную Думу по итогам электоральных циклов 2011 и 2016 гг. Теоретической основой эмпирической части исследования выступает тезис И. Валлерстайна о возможности сведения всех идеологий XX в. к трем основным: либерализму, консерватизму и социализму. Инструмент исследования — матрица контент-анализа из 23 ценностей и 230 слов-индикаторов. Объект исследования — тексты официально опубликованных программ политических партий. Обобщение результатов эмпирической части исследования позволяет зафиксировать 1) принципиальную гибридность ценностного ядра любой программы на любом этапе и 2) количественно фиксируемую тенденцию к усилению либеральной риторики в 2016 г. Теоретическая часть исследования состоит в интерпретации полученных результатов с помощью классических (М. Селиджер) и современных (Д. Шварцмантель) моделей идеологии. В статье показано, что при использовании теоретической рамки Селиджера следует вывод о принципиальном отказе политических партий от защиты связанного ценностного ядра в пользу технической задачи обеспечения электоральной поддержки. Применяя классификацию Шварцмантеля, мы приходим к выводу об отсутствии выраженного противостояния между неолиберальным и критическим (по отношению к неолиберализму) политическим дискурсом. В заключение статьи делается вывод об отсутствии оснований как для конфликта, так и для согласия по поводу базовых политических ценностей у современных «идеологов» и выдвигается тезис об «уходе» идеологической борьбы с классических политических площадок. Последнее предполагает ревизию категориального аппарата и методологических установок социальных наук и дополнительный «кризис идентичности» для философии.

Ключевые слова: политические партии России, идеология, философия, контент-анализ, ценности, И. Валлерстайн, М. Селиджер, Д. Шварцмантель, либерализм, социализм, консерватизм, методология.

Согласно ведущим специалистам в области теории идеологии, концепт «идеология» для политической науки одновременно проблематичен и притягателен. Проблематичен он потому, что, во-первых, «подвержен всем ветрам академической

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00216.

моды» [1, с. 11], во-вторых, трудноуловим в своем специфическом содержании (так, Т. Иглтон на первых страницах своей работы говорит о десятке определений идеологии [2]; Р. Гесс [3], Д. Томпсон [4], В. Бурсевич [5] предлагают целые рубрикаторы для определений (нейтральные, критические, позитивные концепции идеологии); наконец, сам термин довольно «идеологичен»: ассоциативный ряд к слову «идеология» отсылает нас к опыту XX в. — трагичному по сути опыту, когда за столкновением государств всегда виднелся идеологический след. Мировоззренческие амбиции идеологии, в свою очередь, — постоянный вызов для философии. Так, проблема демаркации идеологии и философии, обсуждение моделей философской критики идеологии и идеологических форм философии стали ключевыми темами двухгодичного семинара в Институте философии РАН, по итогам которого опубликован фундаментальный труд [6]. Притягательность же термина — в его универсальности. Что еще может лучшим образом описать основу для общественного согласия или столкновение идей и интересов самого различного рода в публичном пространстве современных обществ, если не идеология? Что, если не идеология, будет являться антиподом философии в секуляризованном обществе? Более того, само рождение «современного», т. е. современного, общества часто связывается исследователями с появлением идеологий как секуляризованного политического дискурса, нацеленного на легитимацию политических решений в условиях принципиальной детрадиционализации социального порядка и открытости будущего: «Идеология отделяет себя от мифологического или религиозного сознания; она оправдывает предлагаемый курс действий логикой и очевидностью, к которым привязаны ее взгляды на социальный мир, а не путем привлечения веры, традиции или авторитета говорящего», — пишет А. Гоулднер [7, с. 30]. Наша позиция относительно «генеалогии идеологии» отражена в ряде публикаций [8] и состоит в том, что модернность порождает в социальных системах весь спектр идеологий как для внешней, так и для внутренней политики — от консерватизма до либерализма, от национализма до идеи рынка — не только для проектирования желаемого будущего, но и поскольку нуждается в символическом снятии своих внутренних базовых противоречий. Этот шаг в социально-философском смысле позволяет переместить анализ идеологий с уровня эпистемологии (акцент на проблеме истинности знания) на уровень социальной онтологии (акцент на проблеме воспроизводства общества)¹ и сформулировать тезис об идеологическом характере социального воспроизводства (модерных) обществ.

Итак, мы разделяем позицию, согласно которой людям, «переживающим модернность», для регуляции (организации) своей жизни нужны качественно новые социальные проекты и соответствующие духу времени приемы оправдания и легитимации социального порядка. Им нужны идеологии как культурные системы [9],

¹ «Важнейшей проблемой, возникающей при трактовке идеологии в качестве “ложного сознания”, является то, что для того, чтобы признать способ восприятия реальности той или иной социальной группы ущербным, необходимо сравнить его с неким эталоном видения, идеальным отражением мира. А это, в свою очередь, подразумевает убежденность в возможности охватить универсум во всех его проявлениях из некоей точки по-над миром; что представляется выходящим за рамки возможностей обычного человека, ограниченного в своем представлении о мире пространством ближайших практик и интересов. И даже для ученого-интеллектуала требуется серьезное алиби, которое обеспечивало бы ему право говорить от лица абсолютной истины или исходя из интересов всего человечества», — пишет В. В. Бурсевич [5, с. 98].

им нужны средства символизации институциональной сегментации. А поскольку модерность — это всегда незавершенный и плюральный в своей сути опыт поиска ответов на ключевые вопросы организации общества [10], наличие и конкуренция идеологических систем может считаться одним из признаков *модерных* обществ [11]. Существует ли конкуренция идеологий в современной России? Существует ли по крайней мере один связный идеологический проект, который можно было бы считать центральным в политической повестке и по отношению к которому философия могла бы уточнить свои собственные позиции? В задачи статьи входит поиск ответов на эти вопросы. Для решения задач мы обратились к самому очевидному источнику сведений — программам политических партий, претендовавших на места в Государственную Думу в 2011 и 2016 гг. Замысел нашего исследования был таков:

- выбрать теоретическую рамку (концептуальную основу исследования) и провести эмпирическое исследование;
- сформулировать верифицируемые в рамках проведенного анализа результаты;
- интерпретировать результаты с помощью имеющейся теоретической рамки / показать необходимость обновления последней.

Статья структурирована в соответствии с замыслом исследования.

Сравнительный анализ: объект и методология исследования

Эмпирическую основу исследований составили результаты, полученные в ходе контент-анализа предвыборных программ российских партий 2011 и 2016 гг. Перечень партий, которые участвовали в выборах в каждый из этих циклов, различался — в силу упрощений предвыборного законодательства в кампании 2016 г. приняло участие большее число партий, чем в 2011 г. Поэтому для обеспечения сопоставимости данных мы брали программы только тех семи партий, которые принимали участие и в выборах 2011 г., и в выборах 2016 г. Такими партиями оказались «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Патриоты России», «Партия роста» (которая стала фактической «наследницей» партии «Правое дело», участвовавшей в кампании 2011 г.). Анализ в ходе исследования строился на систематическом подсчете особых слов-индикаторов, характерных для определенных идеологий. Такие слова были подобраны нами путем логического достраивания теории идеологий, сформулированной И. Валлерстайном [12]. Отталкиваясь от теории Валлерстайна, мы определили три глобальных идеологических проекта, склонность к отстаиванию которых проверялась в предвыборных программах партий. Такими проектами оказались консерватизм, либерализм и социализм. Мы выделяли в русле каждой из этих идеологий особую систему ценностей, наиболее точно отражающих специфику идеалов соответствующего идеологического проекта, а также список конкретных слов-индикаторов, которые и подвергались непосредственному подсчету в ходе анализа. В совокупности мы получили перечень из 23 ценностей и 230 слов-индикаторов. Подсчитывая количество упоминаний слов-индикаторов, мы могли делать вывод о том, какие ценности актуализированы в программе партии больше, а какие — меньше. Формируя набор наиболее актуа-

лизированных ценностей, мы, в свою очередь, получали информацию о том, какая идеология выражена в программе конкретной партии.

Сравнительный анализ: результаты

Итоги проведенных вычислений помогли сделать несколько примечательных выводов об идеологической подоплеке конкуренции российских партий в 2011 и 2016 гг.

Первый вывод. Доля идеологического контента в программах российских партий в 2016 г. стала существенно больше, чем в 2011 г. Это объясняется, с одной стороны, тем, что вырос общий объем текстов предвыборных программ: в 2011 г. во всех программах совокупно набиралось 64 134 слов, в 2016-м — уже 86 252. Но для нас важна другая тенденция: повысилась и интенсивность обращений к идеологически окрашенной риторике: в 2011 г. только 7 % от общего объема программ всех партий приходилось на слова-индикаторы, которые тем или иным образом отсылают к различным идеологиям, тогда как в 2016 г. этот показатель удвоился и достиг 14 %. Вероятно, это могло бы свидетельствовать о том, что сам характер полемики между партиями стал острее, а их стремление ответить на вызовы повестки дня именно эмоциональной, идеологически окрашенной риторикой стало более акцентированным.

Второй вывод. Между 2011 и 2016 гг. идеологические предпочтения конкретных партий существенно изменились (см. рис. 1, 2). Наиболее отчетливо это видно по предвыборной программе партии «Справедливая Россия». В 2011 г. в ней чаще всего встречались слова-индикаторы ценностей социализма (совокупно их набиралось 40 % от общего числа упоминаний всех слов-индикаторов). В 2016 г. на первое место по числу упоминаний в программе партий вышли уже ценности другой идеологии — либерализма (на слова-индикаторы которой приходится 55 % от общего числа упоминаний всех слов-индикаторов). Такая же по смыслу смена идеологической ориентации произошла и с риторикой, представленной в программе партии ЛДПР: в 2011 г. чаще упоминались ценности социализма (46 %), но в 2016 г. на первое место вышел либерализм (50 %). В целом подобная смена риторики случилась в том или ином виде со всеми партиями, кроме КПРФ: коммунисты остаются стабильными в своем интересе именно к риторике, отражающей взгляды социалистической идеологии.

Третий вывод. В 2016 г. в предвыборных программах российских партий прослеживается такая же идеологическая гибридность, которая была характерна для них за пять лет до этого. Фактически, если судить по содержанию предвыборных программ, ни в 2011 г., ни в 2016 г. в парламентских выборах не участвовало ни одной партии, которая последовательно придерживалась бы идей только консерватизма, либерализма или социализма. В обоих случаях анализ показывал наличие партий, которые тяготели к какой-то одной из этих идеологий больше, чем к двум другим (как та же «КПРФ»). Но даже такое тяготение к одной идеологии во всех случаях было относительным и не связано с принципиальным отторжением других идеологий.

Четвертый вывод. Базовая риторика, к которой обращаются в своих программах российские партии, за пять лет практически не изменилась. Иерархия ценно-

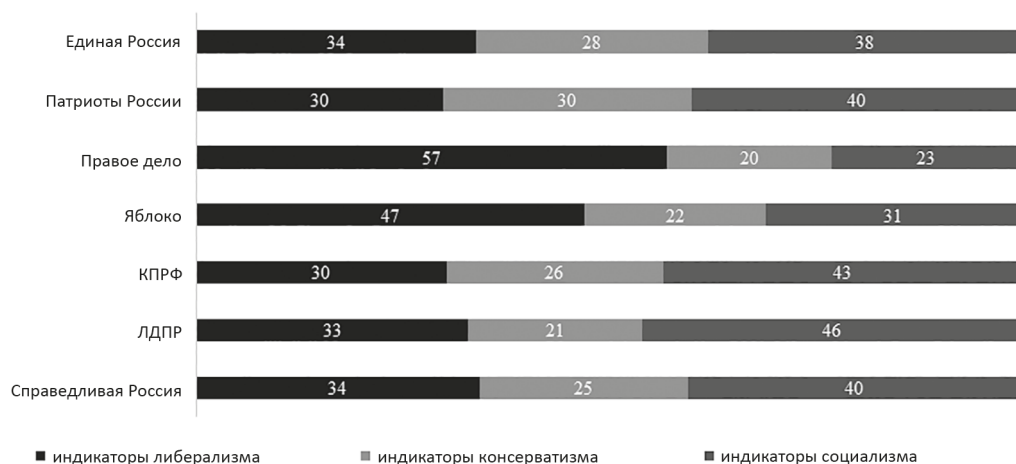

Рис. 1. Идеологии, актуализированные в программах партий — 2011 (в % от общего числа слов-индикаторов)

И с т о ч н и к: разработано авторами статьи

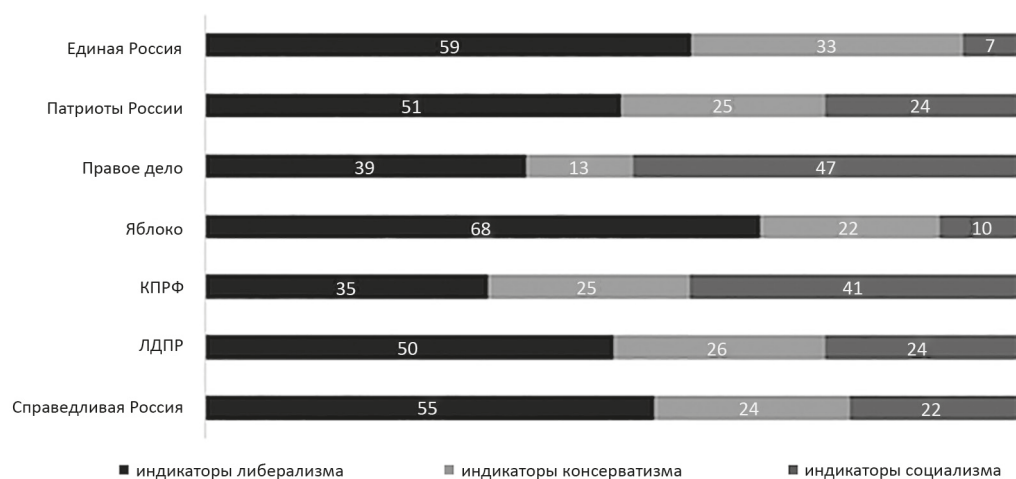

Рис. 2. Идеологии, актуализированные в программах партий — 2016 (в % от общего числа слов-индикаторов)

И с т о ч н и к: разработано авторами статьи

стей, к которым партии апеллировали в 2016 г., очень близка к той, которая прослеживается в программах 2011 г. (см. рис. 3, 4). Наиболее упоминаемые ценности в обоих случаях — одни и те же: «Социальные гарантии», «Закон», «Личность», «Сильное государство», «Изменения». Частные различия в этих иерархиях, разумеется, есть: например, та же ценность «Изменения» стала в 2016 г. менее выраженной, чем за пять лет до этого. Но эти различия — косметические, частные, не влияющие на общий расклад. Кардинальных изменений в риторике партий, судя по нашему анализу, за пять лет не произошло. Иными словами, даже несмотря на очевидную разницу в общественно-политических контекстах, которые складыва-

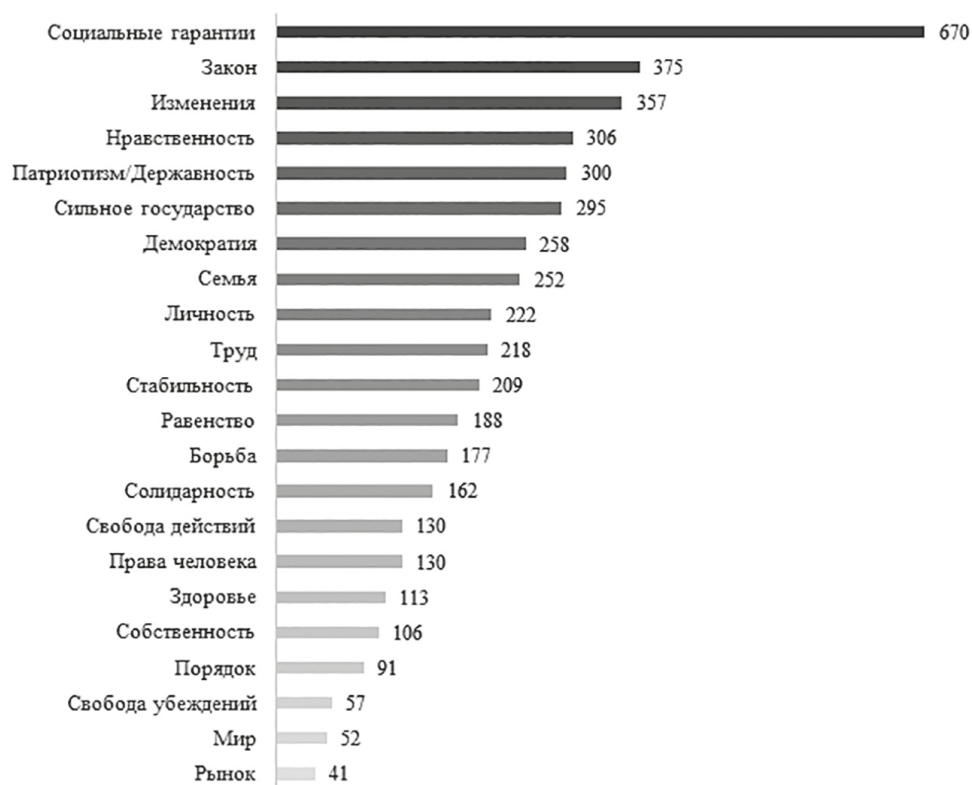

Рис. 3. Ценности, апелляции к которым встречались в программах партий 2011 г. (общее число упоминаний)

Источники: разработано авторами статьи

лись в России накануне выборов в 2011 и 2016 гг., партии делали в обоих случаях ставку на одни и те же повестки.

Пятый вывод. В программах большинства партий между 2011 и 2016 гг. произошли очевидные изменения. Но эти изменения затронули лишь структуру той конкретной риторики, к которой апеллируют партии. Тогда как сама гибридность, идеологическая амбивалентность (и даже тройственность) в программах сохранилась:

- «Справедливая Россия». В 2011 г. основной упор риторики был сделан на слова-индикаторы ценностей социализма: в общем объеме всех слов-индикаторов, обнаруженных в программе, их было 40 %. В 2016 г. программа больше тяготеет к либерализму: в общем объеме всех слов-индикаторов в программе маркеры либеральных ценностей набирают 55 %.
- ЛДПР. Та же самая тенденция: доминанта социализма (46 % в 2011 г.) сменяется доминантой либерализма (50 % в 2016 г.).
- КПРФ. Относительно стабильна. Принципиальных смещений баланса идеологий между 2011 и 2016 гг. нет.
- «Яблоко». Наиболее либеральная партия на 2011 г. (47 % встреченных слов-индикаторов — именно либеральные). В 2016 г. вектор не только сохранил-

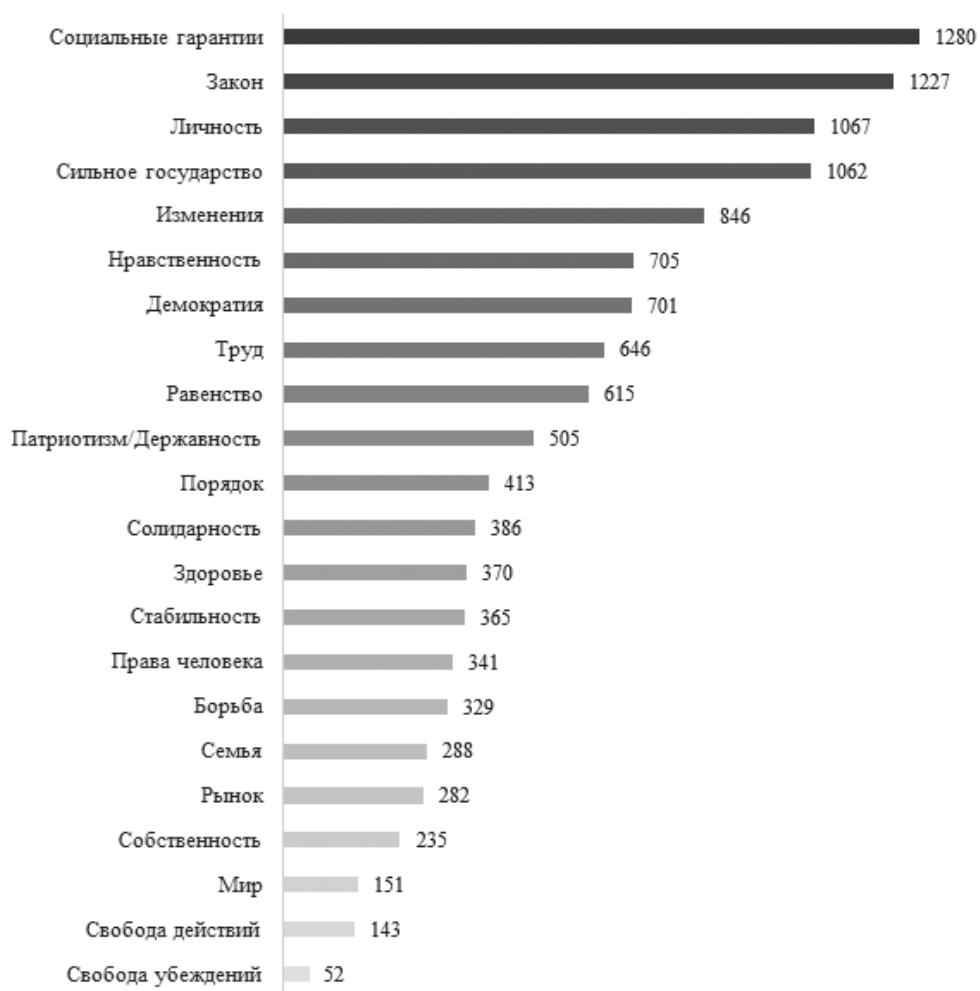

Рис. 4. Ценности, апелляции к которым встречались в программах партий 2016 г. (общее число упоминаний)

Источники: разработано авторами статьи

ся, но и усилился: либеральные индикаторы занимают уже 68 %. Роль социалистической риторики в программе партии стала незначительной.

- «Партия роста» в 2016 г. воспроизводит не ту риторику, которое презентовало «Правое дело» в 2011-м. Если в 2011 г. отчетливо прослеживалось тяготение партии к либерализму (57 %), то в 2016-м — уже в сторону социализма (47 %). Правда, в данном случае надо понимать, что «Партия Роста» — наследник «Правого дела» только юридически, реально это другой партийный проект с другими людьми во главе. Возможно, в данном случае смена риторики — результат смены руководства и бренда.
- «Патриоты России». В 2011 г. в основном пользовались социалистической риторикой (40 %). В 2016-м вектор сместился в сторону либерализма (51 %).

- «Единая Россия». Не имела четкой ориентации в 2011 г. В 2016 г. представила предвыборную программу, доминанта которой — апелляция к либерализму (59 %). Выраженность социалистической риторики — минимальная, не доходит даже до 10 %.

В целом анализ показал, что характер полемики российских партий в 2016 г. выглядел иначе, чем в 2011 г. Важность идеологически окрашенной риторики в этой полемике оказалась более выраженной, а акценты, которые отстаивали в своих программах конкретные партии, сменились. Однако сам характер используемой риторики остался прежним. На протяжении обоих электоральных циклов ни одна из партий не продемонстрировала последовательного отстаивания идей какой-то одной идеологии и в своей риторике придерживалась скорее своеобразного гибрида частных аспектов либерализма, консерватизма и социализма.

Интерпретация результатов

Итак, опираясь на изначальную теоретическую рамку — идею Валлерстайна о трех масштабных идеологиях современности — идеологиях в *привычном смысле слова* — как внутренне связанных и цельных проектов общественного устройства на привычном же для политической науки месте (борьба политических партий) — мы не обнаружили. Смена пропорций слов-индикаторов в программах партий, как показывает эмпирическая часть исследования, не привела к существенным, качественным изменениям идеологической риторики. Означает ли это, что идеологий (либо идеологической борьбы) в России совершенно нет? Признание этого факта означало бы, что мы не являемся обществом современным либо по первому основанию (не идеологии легитимируют политические решения), либо по второму — какая-то из идеологий победила, стала настолько привычной, что мы даже и не чувствуем ее «интерпелляций» (например, тяга к либеральной риторике в программах партий 2016 г. как аргумент в пользу тезиса о рецепции неолиберализма в повседневности). Для поиска адекватных объяснительных схем нам нужно вернуться к критериям для типизации идеологий и современным наработкам в области теории идеологии.

Классической для теории идеологии работой, в которой проведен формальный анализ идеологических систем и сформулированы критерии для их типизации, является работа М. Селиджера [13]. По мнению Селиджера, понятие «идеология» применимо ко всем системам убеждений, независимо от того, будут ли эти системы руководить действиями, направленными на изменение, сохранение или разрушение политической реальности. «В качестве того, что управляет и влияет на политическое действие, идеология должна определяться лишь в отношении к системам политических убеждений безотносительно к тому, будут ли они революционными, реформистскими или консервативными при взгляде со стороны» [13, с. 91–92]. Идеологии, по Селиджеру, — это ориентированные на действие совокупности убеждений, организованные в качестве систем. Составляющими любой идеологии будут следующие элементы:

- описание (description),
- анализ (analysis),
- моральные предписания (moral prescriptions),

- технические предписания (technical prescriptions),
- инструментарий (implements),
- отрицания (rejections).

Селиджер считает, что только на уровне формального анализа мы можем разложить идеологию на составные части. В реальности идеологии смешивают воедино анализ ситуации и описание действительности с моральным предписанием, основанным на ценностях; смешение фактического положения дел с моральным императивом, дополненное «техническим» вычислением эффективности, придает, согласно Селиджеру, идеологии привлекательность в качестве руководства к политическому действию. Инструменты идеологии представлены правилами, которые суть способы и пути выполнения «моральных обязательств» или «адаптации их к требованиям обстоятельств». Отрицание, или «отклонение» (rejection), как структурный элемент позволяет любой идеологии позиционировать себя в качестве противоположной другим (идеологиям), следовательно любая идеология, по Селиджеру, предполагает отказ от определенных принципов и идеалов. Отметим, что этот момент в рамках нашего исследования был принципиально важен. На основе подобного формального анализа элементов идеологии автор представляет и полное определение понятия: «Идеология есть совокупность положений, состоящих как из убеждений в чем-либо, так и отказа допускать что-либо, выраженная в ценностных суждениях, призывах (appeal sentences) и аргументации. Она предназначена служить относительно постоянной группе людей для того, чтобы оправдать на основании доверия к моральным нормам и до очевидности связной аргументации легитимность императивов и технических предписаний, которые должны обеспечить согласованное поведение, направленное на сохранение, изменение, разрушение или реконструкцию существующего порядка» [13, с. 119–120]. В зависимости от того, какая ценность (совокупность ассоциативно связанных ценностей) содержится в моральном ядре идеологии, мы можем поместить тот или иной идеологический продукт в «ячейку» между левыми и правыми экстремумами. Далее, согласно Селиджеру, идеология как система имеет два уровня — долгосрочный и оперативный, соответственно идеологическая аргументация «разбивается на два измерения: фундаментальные принципы, которые определяют конечные цели и общую перспективу их достижения, и оперативные принципы, лежащие в основании политики действий» [13, с. 109]. Все элементы идеологии реализуются в обоих измерениях, но с разным акцентом: идеология оперативного уровня центральными делает элементы расчета и эффективности (технические предписания), тогда как идеологии фундаментального уровня удерживают приоритет моральных норм. Поэтому второй критерий для типизации идеологий — это степень их ригидности, верности ценностным ориентирам. «Фундаментальные» идеологии тяготеют к моральному фанатизму, «оперативные» идеологии во главу угла могут поставить тактический успех — допустим, победу на ближайших выборах за счет более взвешенной политической риторики. В любом случае идеологические системы содержат в себе непротиворечивое ценностное «ядро», характеризующее политический интерес определенной социальной группы (класса), — и речь идет лишь о степени выраженности этих ценностей в *appeal sentences*. Если интерпретировать результаты контент-анализа программ политических партий в этой схеме,

можно сделать вывод о довольно циничном принесении «идеологами партий» фундаментальности в жертву оперативным задачам по привлечению электората, для которого, в свою очередь, имеет значение только риторика, а не концепты². Однако мы полагаем, что классификация Селиджера зависит от определенных социально-онтологических допущений о структуре общества и работает до тех пор, пока социологи не сталкиваются с проблемой несовпадения принятой по умолчанию модели общества с самой социальной реальностью. Так, задачу обновления социологических картин формулирует еще Э. Гидденс в знаменитых тезисах о будущем социологии [15, р. 22–51], а Э. Лакло утверждает, что все классические концепции идеологии базировались на двух допущениях: на презумпции наличия центра в социальной системе и идентичности в индивиде [16]. Общество меняется, и в связи с этим набирает вес тезис о том, что «необходимо пересмотреть стереотип политической науки о политических партиях как основных носителях и даже создателях идеологии... Идеологии в современном мире являются сложными образованиями, носители и творцы которых могут находиться далеко за рамками политических партий» [1, с. 27].

Теория идеологии реагирует на изменения в социальной онтологии. В 2009 г. на русский язык была переведена книга Д. Шварцмантеля «Идеология и политика» [17], в которой автор проводит различие между идеологиями классическими и идеологиями современного толка³. Анализ, проделанный Шварцмантелем, позволяет сгруппировать на одном полюсе любые идеологии классического типа (как бы они потом ни дробились в зависимости от ценностного ядра и степени жесткости) и на другом полюсе — идеологии современные, обладающие принципиально иным режимом функционирования. Шварцмантель полагает, что главная особенность современной политики состоит в возникновении многочисленных свободно организованных движений, созданных по сетевой модели и имеющих похожую организационную структуру, но кардинально отличающихся тем набором идей, давших им жизнь. Эти движения, пишет Шварцмантель, «успешно мобилизуют силы, которые раньше поглощали традиционные формы политической активности левых и правых, что, в свою очередь, свидетельствует о возникновении некоторого постидеологического общества, в центре которого лежат конкретные проблемы, а не масштабные картины общества» [17, с. 274]. Действительно, переход от логократии к видеократии на уровне политтехнологий, от статусной (классовой) стратификации к ситуативному (символическому) видению социальной структуры на уровне социальной онтологии, децентрация самой социальной структуры, ее функционирование по типу «сетей» и продолжающаяся в наши дни дифференциация социальной жизни существенно меняют режим конструирования и поддержки социальных пространства и времени, в том числе публичного пространства и политических проектов. Но постидеологическое общество в терминологии Д. Шварцмантеля — отнюдь не общество, свободное от идеологии вообще. Это общество, в котором происходит смена типов идеологии, осуществляется переход от идеологий классического типа (эти идеологии масштабны по своим задачам, связаны с государством, предполагают действие в рам-

² Подробнее о феномене интуитивного голосования см. классическую работу: [14].

³ Книга приобретает заслуженную популярность среди отечественных специалистов в области теории идеологии. См., напр.: [18].

ках крупных институтов, выражены в программах политических партий, базируются на экономически вычисляемом сегменте социальной структуры (классах) к идеологиям нового типа, которые молекулярны, партикулярны, внесистемны, организованы по принципу сетей, локальны по типу поддержки (идентичности) и по провозглашаемым требованиям. К первому типу идеологий в рамках этого разделения автор предлагает отнести, например, коммунизм, фашизм, национализм, ко второму типу — феминизм, энвайронментализм, движения за религиозную и культурную идентичность. Шварцмантель пишет: «Огромное количество квазиидеологических движений свидетельствует о существовании более молекулярных и менее тотальных идеологий. Они сигнализируют — идеологии, которые доминировали на протяжении всей новейшей истории, потеряли связь с конкретными современными проблемами, решение которых требует новых политических сил... Как бы то ни было, они не указывают ни на гибель идеологии, ни на потерю ею своей значимости, а скорее на абсолютное господство неолиберализма и необходимость сформировать некую глобальную идеологию, которая была бы направлена против доминирующей идеологии и смогла бы объединить “молекулярные” движения протеста со стороны свободно организованных сетевых движений» [17, с. 275–276]. Аргументы в защиту тезиса о победе неолиберализма, как кажется на первый взгляд, выводимы и из нашего исследования. В общем виде неолиберализм вслед за Д. Шварцмантелем можно определить как парадигму рыночных отношений и материальных благ в применении ко всем аспектам социальной жизни; в основе этой парадигмы — идея глобального рынка, редукция ценности человека к его потребительским возможностям и преобладание измеряемых критериев при описании продуктивности общественных институтов, включая университеты [17, с. 284]. Но это будет верно только в одном случае: если идеология «отражает» уровень общественной психологии, на котором «победа» либерализма случилась. Если же рассматривать идеологию как средство конструирования реальности (и ожиданий людей) — доля либеральной риторики в программах партий может говорить только о желаемом будущем. В случае нашего исследования оба варианта «снимаются» лидирующей позицией ценности «социальных гарантий». Подчеркнем еще раз, что перспектива ближайшего будущего социальных систем в рамках теории Д. Шварцмантеля не является постидеологической перспективой в строгом смысле слова, поскольку состоит в замещении старых идеологий новыми, или, по аналогии с теорией А. Грамши, подразумевает рекомбинацию идеологий: перемещение «старых» идеологий на периферию общественной жизни [17, с. 281].

Мы полагаем что позиция Д. Шварцмантеля амбивалентна: он пытается совместить обаяние идеологий классического типа с принципиально новыми условиями для политического действия. С одной стороны, Д. Шварцмантель описывает переход к новому типу идеологий как неизбежный процесс, с другой — заявляет о недостаточности новых молекулярных идеологий именно потому, что они «легковесны» и не претендуют на новую масштабную картину лучшего общества, картину, в которой люди, надо полагать, по-прежнему нуждаются: «...значимость “несерьезных” идеологий заключается в том, что они обеспечивают часть — но только часть — столь необходимого для политической жизни процесса идеологического и политического обновления» [17, с. 283]. Идеологии нового типа, по Шварцмантелю,

должны соединиться с элементами идеологий традиционного типа, находящихся в оппозиции к доминирующему неолиберализму (!), и образовать мощный кулак новой (по-прежнему претендующей на масштабность изменений) контридеологии: «Чтобы достичь такого результата, критическую мощь новых идеологий нужно совместить с более систематизированными и исторически обоснованными идеями, присущими “старым” оппозиционным идеологиям левого крыла» [17, с. 302].

Итак, с одной стороны, на уровне социальной онтологии мы имеем модель общества, в котором социальная структура размыта, политическая жизнь фрагментирована, публичные пространства виртуализированы, сборка социальности происходит по типу сингулярностей. Далее, мы фиксируем появление в социальной реальности идеологий нового типа, но заявляем, что эти «легковесные» идеологии не справляются с решением таких задач, которые, в свою очередь, уместнее поставить в рамках совершенно другой социальной онтологии, а именно модели общества как структурированной тотальности. Наиболее вероятным вариантом развития ситуации в Западной Европе Д. Шварцмантель считает появление идеологических гибридов, способных противостоять неолиберализму, а в случае с Россией требуется изучить «поле». Изучение поля (в рамках нашего исследования) показывает, что сложившейся диспозиции *неолиберальные программы — антилиберальные программы* не наблюдается.

Таким образом (по крайней мере, на уровне официальной политической риторики), и в рамках классического политического публичного пространства борьба идеологических систем в России не прослеживается. Далее, набирающая «частотный» вес идеология (нео)либерализма, во-первых, не ассоциируется только с партией власти либо потенциальной оппозицией и, во-вторых, в концентрированном виде не содержится ни в одной политической программе. Наконец, ни классификации Селиджера, ни классификации Шварцмантеля последовательно применить к российскому политическому пространству в полной мере нельзя: большинство политических программ в качестве своего «ядра» имеют повторяющийся сплав достаточно противоречивых ценностей, а потому говорить о какой-либо идеологической связности политических проектов, нормативном различии в программах и принципиальности идеологических позиций (Селиджер) на примере политических партий РФ в настоящее время не представляется возможным. Следует ли из этого вывод о конце идеологий в России либо вывод о том, что в стране изменился режим производства политического пространства и поэтому идеологии нужно искать в другом месте и другими средствами, — вопрос для дискуссии и дальнейших исследований⁴. Пока зафиксируем ключевое противоречие, которое, как нам кажется, отражает и общественные ожидания [20], и методологические затруднения в социально-политических теориях: мы желаем описать идеологию старым языком — языком масштабных и связных проектов, — но объекта для такого описания больше нет. Мы изображаем идеологию и политическую борьбу на холсте начала — середины XX в. привычными размашистыми мазками, ожидая, что линии соединятся в титаническую фигуру, а фон окрасится в единственный устойчивый цвет. Но на этом холсте проступают лишь нечеткие и некрупные очертания, тут же теряющие свою определенность в пестроте

⁴ О логике становления публичной сферы и режиме функционирования идеологических систем в постсоветской России см. [19].

красок и мелких штрихов. Катастрофа методологической оптики — достойный вызов для теории идеологии как дисциплины. Измельчение и диффузия привычного грозного «своего Другого» — идеологии — шанс для самоопределения философии.

Литература

1. Мусихин, Г.И. (2013), Методология исследований идеологий: от поведенческого анализа к постструктуралистским контекстуальным моделям, *Политическая наука*, № 4, с. 11–31.
2. Eagleton, T. (1991), *Ideology: an Introduction*, New York: Verso.
3. Geuss, R. (1981), *The Idea of Critical Theory. Habermas and the Frankfurt School*, Cambridge: Cambridge University Press.
4. Thompson, J. B. (1984), *Studies in the Theory of Ideology*, Los Angeles: University of California Press.
5. Бурсевич, В.В. (2010), Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ, *Вестник Полоцкого государственного университета (ПГУ). Сер. «Гуманитарные науки»*, № 1, с. 95–100.
6. Гусейнов, А.А. и Рубцов, А.В. (ред.) (2018), *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*, М.: Прогресс-Традиция.
7. Gouldner, A. (1976), *The Dialectic of Ideology and Technology: The Origins, Grammar and Future of Ideology*, London: Macmillan.
8. Логинов, А.В. (2010), Онтологический статус идеологии в современности, *Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки*, № 4 (83), с. 15–29.
9. Geertz, C. (1973), Ideology as a Cultural System, in *The Interpretation of Culture*, New York: Basic Books, pp. 193–234.
10. Wagner, P. (2008), *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
11. Логинов, А.В. (2012), Модерность: проблема типизации обществ, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. XV, № 6 (65), с. 95–105.
12. Валлерстайн, И. (2003), *После либерализма*, пер. с англ. и ред. Кагарлицкий, Б.Ю., М.: Едиториал УРСС.
13. Seliger, M. (1976), *Ideology and Politics*, London: George Allen & Unwin.
14. Converse, P. (1964), The nature of belief systems in mass publics, in Apter, D. (ed.), *Ideology and Discontent*, New York: Free Press, pp. 206–261.
15. Giddens, A. (1987), *Social Theory and Modern Sociology*, Cambridge: Polity Press.
16. Лакло, Э. (2003), Невозможность общества, *Логос*, № 4–5, с. 54–57.
17. Шварцмантель, Дж. (2009), *Идеология и политика*, Харьков: Гуманитарный Центр.
18. Скочилова, В.Г. (2011), Динамическая модель идеологии, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 3 (15), с. 115–117.
19. Малинова, О.Ю. (2007), Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России, *Полис. Политические исследования*, № 1, с. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.01.02>
20. Кузнецов, И.М. (2017), Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян, *Социологические исследования*, № 1, с. 47–55.

Статья поступила в редакцию 30 марта 2019 г.;
рекомендована в печать 19 марта 2020 г.

Контактная информация:

Логинов Алексей Валерьевич — канд. филос. наук; alexeyloginov@urfu.ru
Руденкин Дмитрий Васильевич — канд. социол. наук; d.v.rudinkin@urfu.ru

Neither conflict, no concord: Performing ideology in contemporary Russia*

A. V. Loginov, D. V. Rudenkin

Ural Federal University,
19, ul. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

For citation: Loginov A. V., Rudenkin D. V. Neither conflict, no concord: Performing ideology in contemporary Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 2, pp. 341–355. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.211> (In Russian)

Authors interpret the results achieved by analyzing the content of Russian political parties' manifestos that managed to enter the State Duma after 2011 and 2016 elections. Our conceptual framework is based on Immanuel Wallerstein's assumption that only three ideologies—liberalism, conservatism and socialism — were the key ones to 20th century experience and, hence, that any particular ideology might be reduced to that list. Firstly, we build a matrix of content analysis to analyze texts of officially published political parties' programs. As a result we could show that values at the core of any program at any stage were hybrid in nature and that there was increase in liberal rhetoric in 2016. Further we interpret the empirical results by applying both classical (M. Seliger) and modern (J. Schwartzmantel) models of ideology. By using Seliger's conception of ideology we demonstrate that our political parties choose not to defend the coherent value core of their programs in order to fulfill 'technical' task of generating sufficient electoral support. Schwartzmantel's idea that neo-liberalism as a "classical" state-oriented ideology is attacked by a plenty of non-classical, network-organized ideologies nowadays does not fit our reality, because there is no. pronounced opposition between neo-liberal and critical political discourses. Thus, we argue there is no. normative foundation either for conflict or concord among ideological projects and, moreover, that ideological struggle on the Russian political arena has left classical political domain. It requires social sciences to renew its methodological implements for analyzing ideology properly, while philosophy faces with self-description challenge.

Keywords: Russian political parties, ideology, philosophy, content-analysis, values, I. Wallerstein, M. Seliger, J. Schwartzmantel, liberalism, conservatism, socialism, methodology.

References

1. Musikhin, G. I. (2013), On Methodology of the Studies of Ideology: from Analysis of Behavior to Poststructuralist Contextualized Models, *Politicheskaya nauka*, no. 4, pp. 11–31. (In Russian)
2. Eagleton T. (1991) *Ideology: an Introduction*, New York: Verso.
3. Geuss, R. (1981), *The Idea of Critical Theory. Habermas and the Frankfurt School*, Cambridge: Cambridge University Press.
4. Thompson, J. B. (1984), *Studies in the Theory of Ideology*, Los Angeles: University of California Press.
5. Bursevich, V. V. (2010), On critical and neutral approaches to ideology: comparative analysis, *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta (PGU). Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 95–100. (In Russian)
6. Guseinov, A. and Rubtsov, A., (eds) (2018), *Philosophy and Ideology: from Marx till Postmodernism*, Moscow: Progress-Traditsia Publ. (In Russian)
7. Gouldner, A. (1976), *The Dialectic of Ideology and Technology: The Origins, Grammar and Future of Ideology*, London: Macmillan.
8. Loginov, A. V. (2010), Ontological status of ideology in modern times, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, no. 4 (83), pp. 15–29. (In Russian)
9. Geertz, C. (1973), Ideology as a Cultural System, in *The Interpretation of Culture*, New York: Basic Books, pp. 193–234.
10. Wagner, P. (2008), *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*, Cambridge: Polity Press.

* This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 18-18-00216.

11. Loginov, A. V. (2012), Modernity: the problem of social rankings, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. XV, no. 6 (65), pp. 95–105. (In Russian)
12. Wallerstein, I. (2003), *After the liberalism*, Moscow: Editorial URSS. (In Russian)
13. Seliger, M. (1976), *Ideology and Politics*, London: George Allen & Unwin.
14. Converse, P. (1964), The nature of belief systems in mass publics, in Apter, D. (ed.), *Ideology and Discontent*, New York: Free Press, pp. 206–261.
15. Giddens, A. (1987), *Social Theory and Modern Sociology*, Cambridge: Polity Press, pp. 22–51.
16. Laclau, E. (2003), Impossibility of society, *Logos*, no. 4–5, pp. 54–57. (In Russian)
17. Shvarzmantel, J. (2009), *Ideology and Politics*, Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentr. (In Russian)
18. Scochilova, V. G. (2011), Dynamic model of Ideology, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, no. 3, pp. 47–55. (In Russian)
19. Malinova, O. J. (2007), Ideological pluralism and public sphere' transformation in post-soviet Russia, *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 1., pp. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.01.02>. (In Russian)
20. Kuznetsov, I. M. (2017), Value orientations and socio-political expectations of Russians, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 47–55. (In Russian)

Received: March 30, 2019

Accepted: March 19, 2020

Authors' information:

Aleksei V. Loginov — PhD in Philosophy, Associate Professor; alexeyloginov@urfu.ru

Dmitry V. Rudenkin — PhD in Sociology, Associate Professor; d.v.rudenkin@urfu.ru